

этому обыкновенному титулу прибавил на своем паспорте другой: Король Французский и Наваррский». А вот информация от 8 декабря 1831 г.: «Франция. Вчера столпился здесь народ на ул. Каде. Некто по прозвищу Люн, воображая иметь большое сходство с Наполеоном, вздумал наряжаться в серенький сертучок, и надеть маленькую треугольную шляпу. Народная толпа окружила его, и мальчишки кричали: Виват, Наполеон! Полиция схватила его...».

Пример Наполеона, под впечатлением которого все еще жила Европа, подавал надежды. Если императором мог стать безродный корсиканец, то почему им не может стать приказчик? Или титулярный советник!

Статистика о сумасшедших, которую чаще других печатает «Северная пчела», полна любопытными цифрами. Цифры эти свидетельствуют, что среди больных, содержащихся в Санкт-Петербургском доме умалишенных, более всего ч и н о в н и к о в. Среди пестрого списка причин, приведших людей в этот дом, указывается главная: «гордость и честолюбие». За ней следует «и с п у г и р о б о с т ь». <sup>2</sup> Испуг и робость являются как бы предтечами гордости и честолюбия.

Сообщения о жизни сумасшедших резко увеличиваются в 1833 г. — году, предшествующем написанию повести Гоголя. Чуть ли не через номер «Северная пчела» печатает информацию и материалы на эту тему. 8 марта 1833 г. в очередном статистическом отчете извещается о росте чиновников среди больных. Их уже почти половина всего наличного списка. 24 апреля газета публикует извлечения из книги «Рассуждение о лечении умалишенных, сочинения доктора Левенгайна», где говорится о случаях, когда больной воображает себя Королем, Ангелом, Принцем, Богом и т. д.

Но особенный интерес представляет статья «Северной пчелы», начавшая печататься 5 февраля 1834 г. Она посвящена Больнице Всех Скорбящих — так отныне именуется петербургский сумасшедший дом. Корреспондент, побывавший в нем, описывает чистые светлые палаты, приятное питание, которое недоступно больным на воле, ласковость Главного Доктора. По воскресениям сумасшедшие слушают литургию в больничной церкви. «Белье вообще отменное, одежда такая, что многие из сих несчастных не могли бы иметь у себя дома. Сертуки из тонкого сукна, шинели из английской байки...» Даже «отхожие места заслуживают внимания: это известные ватер-клозеты — изобретение, которым мы обязаны англичанам». «Телесные наказания в Больнице Всех Скорбящих неизвестны» (№ от 9 февраля 1834 г.) Здесь есть орган, бильярд, шашки, стол ломберный для карточной игры, на окнах нет решеток. Во дворе и парке пруды, фонтаны; кроткие пациенты в награду за кротость выезжают в город и «прогуливаются вне заведения». В этом же номере газета, впрочем, вынуждена сообщить о некоторых мерах, которые предпринимаются в отношении непослушных. В здании есть черная комната, в которой пол, стены и двери почти до потолка обиты тюфяками и обтянуты клеенкою. «Иным, — пишет „Пчела“, — нужно бывает употребить холодные обливания (douches)... Самое большое непослушание наказывается холодными капельными ваннами». В этом номере статья о сумасшедшем доме следует непосредственно за рубрикой «Испанские дела». О них, кстати, сообщается: в Мадриде создан королевский суд, такие же суды появились в других городах. Суд над буйными в Больнице Всех Скорбящих и над сторонниками Дона Карлоса в Испании как бы сближаются на газетной полосе.

Впрочем, суд этот, как уверяет «Пчела», может быть и милостивым. Но для этого необходимо только одно — м о л ч а н и е (вспомним постоянный рефрен исповеди Поприщина: «Ничего... молчание!»). На стенах палат висят черные доски, на которых белыми буквами написано: «Б у д ь с к р о м е н (разрядка моя. — И. З.) и без труда будут отдавать тебе почтение».

<sup>2</sup> «Северная пчела», 1832, 10 февраля. Разрядка моя. — И. З.